

ловеческого измерения. И не ради постмодернистских красот: все же шестеренки машины власти редко работают так, как нарисовано на чертежах. Материальный же фундамент возникшего на излете Средневековья «нового государства» описан, как мне показалось, ровно с такой степенью подробности, чтобы текст не успел

превратиться в сухой справочник, а остался интересным и местами даже интригующим. Все же до того, как Людовику XIV припишут фразу: «Государство — это я», а Ленин скажет: «Государство — это мы», должно было возникнуть и развиваться само государство. Именно этому процессу и посвящена книга.

Дмитрий Бовыкин

ЛЕБЕДИНЫЕ ПЕСНИ КАПИТАЛИЗМА

Nassim Nicholas Taleb. The Bed of Procrustes: Philosophical and Practical Aphorisms. NY: Random House, 2010. — 112 p.

Успех книг Николаса Талеба, автора бестселлеров «Черный лебедь» и «Одураченные случайностью», представляет собой пример того, как философия может расти даже из самого казалось бы неподходящего материала, например, суеты и шума финансового рынка. Минеральные окаменелости и отложения философских абстракций когда-то были частью живого мира, мира природы и науки, и они часто приобретают живой смысл только в контексте забытых конкретик, из которых они некогда выросли. Как известно, некоторые метафизические прозрения возникают путем экстраполяции и обобщения научных открытий. И в этом смысле философия, вырастающая из анализа инвестиционных рисков, ничем не хуже философии, вырастающей из аналитических кушей естественных наук.

Напомним, что своей невероятной популярностью Талеб, один

из самых желанных комментаторов экономических событий на телевизионных каналах мира, обязан отнюдь не философским идеям, а тому, что было воспринято как предсказание финансового кризиса 2008 года и в известном смысле успешной трейдерской стратегии. Одной из главных сфер его теоретизирования стала категория случайности и особый круг событий, которые он назвал «черными лебедями». Пытаясь разместить случайность в схеме одной из своих моделей реальности, считает Талеб, ученые и практики систематически ее недооценивают. В «Черном лебеде» в центре его внимания оказалась особая геометрия финансового пространства, его недостаточно очевидная фрактальная природа, которая выплескивается иногда в реальный мир в виде черных лебедей. Это фрактальная геометрия и фрактальная статистика, которую его

учитель Бенуа Мандельброт применил с свое время к анализу финансовых рынков¹.

В разборах статистики Талеб делает различия между мирами природы и культуры. Природа может описываться статистическими функциями, которые используются в стандартных статистических правилах нормального распределения, построенных на горбообразной кривой Гаусса. Эти события характеризуются относительно небольшой волатильностью. Но эта статистика далеко не всегда применима к явлениям человеческого общества. Чем дальше в мир расширения и ускорения, вызванных глобализацией мира, тем менее подходящей кажется статистика, построенная на кривой Гаусса, и тем более уместна гиперболическая кривая Парето. Примером природных событий и явлений могут служить вес или рост людей. Примером социальных событий может служить распределение доходов. Распределение доходов характеризуется более драматическими флуктуациями и отклонениями. В природе нет ничего настолько большого, говорит Талеб, падение чего могло бы привести к поражению и кризису всего природного мира. Например, истребление синих китов, толщина языка которых достигает трех метров, а вес превышает вес слона, не привело бы ни к каким не-

медленным катастрофическим результатам для всего природного мира. Иначе обстоит дело в сфере экономики, где падение нескольких гигантов (например, нескольких крупнейших банков) может привести к разрушению всей экономической системы. Если бы экономисты управляли природой, поясняет Талеб, то у нас, возможно, было бы только одно легкое.

Афоризмы из новой книги вращаются вокруг той же самой темы случайных событий. В центре внимания Талеба снова оказывается ограниченность нашего знания о мире, мире, перед которым так часто бессильны существующие модели и предсказания. Наши знания, категории и модели часто кажутся тем прокрустовым ложем, в которое мы, как древнегреческий великан-разбойник, пытаемся уложить непослушное тело реальности и часто платим страшную цену за такую искусственную подгонку. Многие наши идеи становятся расхожими товарами.

В своей новой небольшой книге автор апеллирует к философии уже напрямую, без посредничества статистических и финансовых концепций. Это собрание афоризмов, недоговоренностей из прошлых книг, обрезков и фрагментов мыслей, случайных реплик, — своего рода роскошный камзол, сшитый из заплаток. Афоризмы не очень благодатная почва для рецензий. Это минное поле, где стиль крепко повенчан с содержанием и где прямая критика или разбор тезисов кажется нелепостью в контексте того праздника мысли и стиля, к которому приглашает

1. Mandelbrot B. B. «How Fractals Can Explain What's Wrong with Wall Street // Scientific American. 15 September 2008. URL: <http://www.scientificamerican.com/article.cfm?id=multifractals-explain-wall-street>.

сам жанр афоризма. В афоризмах, находящихся на границе литературы и философии, содержание и форма проникают друг в друга; форма при этом может законно господствовать над содержанием. Впрочем, Талеб противопоставляет афористику философии: философ говорит о вещах непонятных и скрытых, афорист же говорит об очевидном. Тем не менее, будет уместно остановиться на нескольких ключевых идеях и категориях мысли Николаса Талеба, которые щедро разбросаны по рубрикам его афористики. Для пущей ясности я буду также обращаться к его «Философским тетрадям», помещенным в виде черновика на его сайте и пока неопубликованным.

В книге перед нами предстает левантийский мудрец, который, несмотря на свой всецело западный опыт, не устает указывать на свою преемственную связь с историческим фоном, забытыми мыслителями и языками левантийского мира — греческим, арамейским, ивритом и арабским, единство которых превосходит сегодняшнюю политическую и культурную чересполосицу Ближнего Востока. Православный араб, свою идентичность он описывает почти гастрономически аппетитно в духе Кавафиса: «Сирийско-ливанская кровь, арабский язык и греческое сердце. Сын гражданина Франции, образованного в иезуитском духе...» В левантийском мире Талеба нет ни эллина, ни иудея, и даже его учитель Бенуа Мандельброт, литовский еврей, родившийся в Варшаве и позже переселившийся во Францию, предстает

у него скорее эллином. Книга «Черный лебедь» была посвящена Мандельброту, «греку среди римлян».

В числе главных историко-биографических вдохновений Талеба был и опыт гражданской войны в Ливане, в результате которого его семья внезапно лишилась положения и гарантий. В Талебе, правда, мало велеречивости, поэтической фантазии и восточного праздномыслия некоторых его компатриотов. Трудно представить себе, например, что-то более чуждое Талебу, чем поэтичность, пылкое воображение и чувственную мудрость Халиля Джебрана (1883–1931), его знаменитого земляка и по малой, и по большой родине, вдохновенного поэта, художника и афориста в одном лице. Люди более религиозного темперамента наверняка стали бы описывать черных лебедей в более апокалиптических тонах; люди более иронического толка наверняка заговорили бы в этой связи о гадких утятах. Парадокс состоит в том, что наследник земли пророков и прорицателей получил известность именно своим сомнением относительно возможности всяческих предсказаний. Он подхватывает другую, более скептическую, традицию арабской учености. Среди его иных друзей и учителей — грек Пиррон, французы Паскаль и Монтень. Среди его идейных предшественников — даосы и теоретики хаоса. В его родословной также теория фальсификации Поппера (которая интерпретируется в контексте нарративной ошибки, соблазна ретроспективного объяснения любых собы-

тий каким-нибудь нарративом), а также французский химик и медик Клод Бернар, которого недолюбливал Достоевский и почему-то считал символом всей европейской науки. Недоброжелатели также добавляют в его родословную эпистемологического анархиста Поля Фейрабенда.

С точки зрения Талеба, современный мир является заложником своей веры в возможность познания непредвиденного и моделей случайных событий. «Средневековый человек был винтиком в системе, которую не понимал. Современный человек — винтик в более сложной системе, которую, как ему кажется, он понимает». В духе Поппера он прослеживает родословную современного мира до Платона и Аристотеля (фундаментальную разницу между которыми он, кажется, не чувствует), хотя Талеб и оговаривается, что ему чужд не столько сам платонизм, сколько платонизм, постулирующий возможный доступ к миру форм и исключаящий то, что он называет смутностью, или непознаваемостью (*opacity*).

Критики социализма и коммунизма обычно знают своих врагов в лицо. Критики капитализма, системы по определению безличной, часто воздерживаются от именования персоналий. Коммунизм — это своего рода поэзия, и у него есть конкретные авторы. Капитализм — проза или «пешая речь», система по преимуществу анонимная и безымянная как сила природы. Талеб принадлежит к тому недавнему поколению критиков, которые узнают в капита-

лизме, точнее в его последней редакции, конкретные лица, и не стесняется называть определенные имена. Злодеи Талеба — это председатель Федерального резерва Бен Бернанке, секретарь казначейства Роберт Рубин («самый крупный вор в истории»), компания Голдман Сакс, а также Нобелевские лауреаты по экономике Майрон Шолс, Роберт Мертон и Эдмунд Фелпс. Это авторы последней версии капитализма, которая потерпела фиаско. Все они одновременно являются примерами современных прокрустов, которые превращают реальную экономику в сферу действия своих моделей мира, а нередко и небескорыстных манипуляций.

Интересно указать в этой связи на некоторую созвучность идей Талеба некоторым тезисам другого недавнего критика капитализма, редактора журнала «Тайм» Анатоля Калецкого. Оба говорят об изъянах старой архитектуры капитализма, которую обнажил финансовый кризис. Архитектура эта требует кардинальных перемен и смены архитекторов. В интерпретации Калецкого капитализм оказывается своего рода инженерным проектом, который постоянно обновляется и редактируется на основе сбоев в системе. Он называет старую систему капитализмом 3.0². Капитализм как безальтернативная операционная система современного мира, согласно Калецкому, подлежит периодической реконструк-

2. Kaletsky A. Capitalism 4.0: The Birth of a New Economy in the Aftermath of Crisis. NY: PublicAffairs, 2010.

ции, иногда с вмешательством хирургических методов. Подобно Талебу, он поименно и пунктуально идентифицирует и каталогизирует главных виновников недавних финансовых пертурбаций. При этом главным архитектором старой финансовой системы, согласно Калецкому, является секретарь Федерального казначейства США Генри Паулсон. Именно он, по мнению Калецкого, «сделал для крушения капитализма гораздо больше, чем Маркс, Ленин, Сталин и Мао Цзэдун вместе взятые». В своих инвективах против капитализма оба критика пытаются сделать зримой и осязаемой ту свирепую, анонимную и многократно мистифицированную «невидимую» руку капитализма, о которой писал когда-то Адам Смит. Точнее, речь идет о последней неудачной редакции капитализма, на смену которой, по Калецкому, неминуемо движется новый капитализм «с человеческим лицом» — «Капитализм 4.0», непреложный как следующая версия *Windows*.

Многие афоризмы в книге Талеба говорят о деградации современного мира, которая опознается далеко за пределами сферы экономики и в значительной степени определяется ориентацией на знание и технологию. Интересно, что эта критика оказывается при этом весьма близкой пафосу Ницше. «Современность — молодость без героизма, возраст без мудрости и жизнь без величия (*grandeur*)». Для уточнения закона Гордона Мура, изначально введенного для описания роста мощности компьютерных чипов, Талеб экс-

траполирует его с обратным знаком на весь современный мир. Если мощность чипа удваивается каждые два года, то коллективная мудрость человечества ополовинивается. Чем сложнее становится техника, тем глупее становится человек. «Технология наказывает нас дважды: она заставляет нас стариться до срока и жить дольше».

Другим источником бедствий является переоценка значимости информации. «Катастрофа века информации состоит в том, что токсичность данных возрастает гораздо быстрее, чем их польза».

Важной мишенью в системе институтов современного мира для Талеба также оказывается университетская наука, которая «относится к знанию так же, как проституция — к любви». Ученые могут быть полезны только тогда, когда они бесполезны, и становятся чрезвычайно опасными, когда они пытаются быть полезными. Наибольшую угрозу при этом представляет образование без мудрости. В духе Ницше он провозглашает, что лучшим учителем является сама эволюция, которая «учит разрушением, а не убеждением». При этом разным наукам и сферам интеллектуальной и духовной деятельности приписывается разная ценность. «Ум любознательный влечется к науке, ум чувственный и одаренный — к искусству, ум практический — к бизнесу; все, кто не попадает в этот список, становятся экономистами». Впрочем, даже занятия искусством не гарантируют особой эффективности. «Большинство писателей продолжают

писать в надежде, что однажды у них появится, что сказать».

В не меньшей степени Талебу отвратительна и современная политика, которую он критикует, противопоставляя ей политику древних и описывая постепенную деградацию «политического» от Катона Старшего к Саре Пэйлин.

Сам быт современных людей и эвклидова геометрия обитаемого ими пространства приглашают их быть квадратноголовыми. От коляски до гроба жизнь человека протекает в футляре — с коробками с едой, в офисных кубиках, прямоугольниках фитнес-клубов, футлярах машин и домов и в «квадратном» мышлении. При этом он непрестанно твердит о необходимости и ценности нестандартной мысли за пределами квадрата (*out of the box thinking*) ...

В современном квадратном мире доминируют знания шарлатанов. В этой связи Талеб проводит ряд параллелей между современным экономическим шарлатанством и шарлатанством и лженауками древности и средневековья. Он в частности замечает, что знания шарлатанов и лженауки по инерции продолжали доминировать часто столетия после того, как они, казалось бы, были убедительно опровергнуты. Так, в медицине теория гуморов тела продолжала торжествовать или играть значительную роль после убедительного опровержения этой теории Уильямом Харви в его обсуждении механизмов циркуляции крови в 1620-х годах и даже после открытий микробов Луи Пастером и кровопускания. К этой же катего-

рии лже-наук Талеб относит философские теории вроде постмодернизма и деконструкции, которые продолжают оказывать пагубное влияние на умы даже сегодня, после, казалось бы, убедительного их опровержения. Думаю, что вопреки своему анти-капиталистическому пафосу постмодернизм действительно содержал в себе нечто весьма созвучное виртуальной экономике последней версии капитализма, и такая оценка весьма уместна. Талеб мечтает о том времени, когда современная финансовая инженерия и модели оценки деривативов и других сложных финансовых инструментов будут оцениваться обществом по заслугам как своего рода современные лженауки. В общем, в проекции на нищешанство христианство в качестве главной мишени заменяется Талебом на финансовые институты и их жрецов — экономистов, банкиров, регулирующие инстанции и манипуляторов рынка акций. Сама же религия, с точки зрения Талеба, часто служила не только опиумом народа, но и щитом на пути всеохватного и неумемного культа знания.

Из укрытия своих инвесторских барышей и щедрых гонораров (в газетах появилась информация, что за последнюю книгу он получил от издательства 4 миллиона долларов только в виде аванса) Талеб презирует постоянную работу, которую считает формой рабства и превозносит свободное время, провозглашая его высшей формой богатства: «Три самых вредных привязанности — героин, углеводы и ежемесячная зарплата».

Слово «работник» только респектабельно маскирует одну из форм рабства. «Визионер Карл Маркс прекрасно осознал, что раба гораздо легче контролировать, если внушить ему, что он является работником (*employee*)».

В системе Талеба более эффективны негативные мерки и характеристики. В теории морали более продуктивны и действенны негативные определения, такие, например, как ветхозаветные заповеди, а не позитивные моральные прескрипции. В системе медицины более действенны воздержания от определенных привычек и действий, чем медикаменты, направленные на излечение недугов (так, например, по свидетельству некоторых специалистов, воздержание от курения гораздо более эффективно лечит многие болезни в пропорции даже к самым сильным и хорошо зарекомендовавшим себя лекарствам). Избегание средних рисков более фундаментально в процессе достижения финансового благополучия, чем каждодневный детальный анализ всей поступающей информации. Правило воздержания относится также и к самому знанию. Для знания отказ от ложных представлений, которыми напичкана наша голова, гораздо более фундаментален, чем приобретение новых. Негативные определения часто эффективнее позитивных для уяснения сути дела. «Слово „богатство“ лишено смысла и не содержит в себе устойчивой абсолютной меры. Вместо него имело бы смысл пользоваться такой меркой как „небогатство“, то есть говорить о разни-

це в любой момент времени между тем, что у тебя есть, и тем, что ты хотел бы иметь».

Метод, который используют финансисты и ученые, часто только создает иллюзию того, что хаос поддается дрессировке. Наиболее достойный метод работы с материалом — бриколаж, который описал в свое время Леви-Стросс на примере примитивных обществ, а также метод проб и ошибок. Америки обычно открываются по пути в Индию. История значительных открытий техники и фармакологии полна таких малых америк — факс, виагра, приклеивающиеся записки (*sticky notes*) ... Все эти открытия стали случайными результатами экспериментов, направленных на изготовление совершенно других продуктов. И вообще человеку гораздо лучше удастся нестандартное действие (*out of the box action*), чем нестандартное мышление (*out of the box thinking*), учит Талеб. Теоретические вопросы обычно разрешаются в действии. Так, впрочем, думали уже Наполеон и Ленин.

Вопреки интуициям, риск в современном глобальном мире, считает Талеб, значительно возрастает, так как единая взаимосвязанная система и корпоративные и банковские консолидации («сверхооптимизация») гораздо более опасны по сравнению с множеством замкнутых или полужамкнутых систем. Зона риска в современном глобальном мире значительно расширилась. Вместо множества разнонаправленных малых и больших караванов, следующих своим путем, сегодня мир

превратился в единый рыночный караван капиталистической экономики. И в этом караване, согласно африканской поговорке, которая кажется созвучной левантйской метафорике автора книги, всеобщая скорость зависит теперь от скорости последнего верблюда.

В силу парадокса знания, говорят и «знают» обычно те, кто не знает. Сам Талеб, вероятно, считает себя не человеком, а птицей. В исламской поэзии и философии птицам обычно приписывается особое знание. «Проблема знания состоит в том, что имеется гораздо больше книг о птицах, написанных орнитологами, чем книг, написанных птицами о самих себе или об орнитологах».

Вот еще несколько афоризмов, которые показались мне любопытными: «Удачная максима позволяет сказать последнее слово до того как начался разговор». «Я подозреваю, что Сократ был приговорен к смертной казни оттого, что есть нечто безумно непривлекательное, отчуждающее и нечеловеческое в ясной и отчетливой мысли». «Настоящей жизнью можно назвать ситуацию, когда предметом наибольшего опасения является то, что могло бы обратиться увлекательным приключением». «Игры создаются для того, чтобы у людей, чуждых героизму, возникала иллюзия победы. В реальной жизни, хотя мы никогда окончательно не знаем, кто выиграл или проиграл (за исключением тех случаев, когда это знание приходит слишком поздно), мы всегда можем отличить героя от негероя».

Многие афоризмы Талеба кажутся излишне высокомерными. Впрочем, в книгу встроена и своеобразная система самозащиты: «Обычные комплименты люди раздают тем, кто не угрожает их тщеславию. Словом „высокомерный“ они хвалят остальных». Другие кажутся натянуто хлесткими или искусственно провокационными: «Я принимаю горячую ванную после прочтения электронной почты от бизнесменов и журналистов, чтобы очистить себя от их профанизма». Третьи выглядят надуманно парадоксальными: «Социальные средства коммуникации антисоциальны, здоровая пища эмпирически нездорова, работники сферы знания невежественны, а социальные науки не являются научными».

Многие кажутся и вовсе неудачными и плоскими. На мой очень субъективный вкус к удачным можно отнести только один из восьми-десяти афоризмов. Но и это, опять же на мой субъективный взгляд, совсем не мало в таком требовательном, капризном и прихотливом жанре, где важен каждый стилистический завиток.

Люди охотнее прислушиваются к той философии или лежефилософии, которая хотя бы косвенно связана с финансовым или житейским преуспеванием. Гораздо практичнее усваивать уроки мудрости и философии от лица успеха, чем из уст писателей, профессиональных философов или каких-нибудь неудачников. К тому же успешные или ушедшие на покой финансисты и инвесторы, как оказывает-

ся, гораздо более склонны к философствованию по сравнению даже с самими философами, особенно ушедшими на покой. Успех гораздо более разговорчив, и оттого бизнесмены охотнее философствуют. Например, весьма любопытны некоторые афоризмы и реплики Уоррена Баффета, скорее, впрочем, житейского, чем сугубо философского свойства, интересен способ рассуждений Сороса и жизненные притчи Стива Джобса. Уникальность Талеба состоит в том, что он гораздо лучше, почти профессионально, владеет собственным философским материалом, обладает энциклопедическим умом и памятью, а его афористика насыщена реальными философскими знаниями.

Другая заслуга Талеба состоит, как мне кажется, в том, что своими афоризмами он приоткрывает узкую щелку — или игольное ушко — в мир философии, в том числе и всем тем многим, для кого мерилом мудрости и философичности служит житейское преуспевание. В контуре его лебедей, впрочем, угадывается не только необычный цвет, но и особая песня. Клики черных лебедей, по определению птиц непевчих и молчаливых, столь же неожиданны, как и их чернота. Быть может, они знаменуют конец старого капитализма и предвещают возникновение чего-то нового. По слову Эзопа: «Говорят, что лебеди поют перед смертью».

Вадим Россман

ГДЕ РАБОТАЮТ АРГУМЕНТЫ AD HOMINEM

«Южный парк» и философия: Толстый, длинный
и всепроникающий. М.: Эксмо, 2012. — 304 с.

Американские философы и примыкающие к этой касте прогрессивные эксперты в области гуманитарного знания более десяти лет назад сделали грандиозное открытие. Они осторожно предположили, что массовая, или так называемая низкая, культура — это не всегда что-то пошлое и неинтересное, во всем уступающее давно признанным образцам высокого искусства, но также и продукт, который требует серьезного, глубокого и именно философского осмысления. Отважные философы, не побоявшись того, что будто бы на-

носят тем самым непоправимый ущерб собственному статусу высокопоставленных эстетов, способных наслаждаться самыми скучными и, казалось бы, отжившими свой век феноменами культуры, с жадностью бросились анализировать «Матрицу», «Сайнфелд», «Властелина колец», «Симпсонов» и далее по очень длинному списку, конца которому пока не видно. Благо, американские производители масскульта позаботились о том, чтобы обеспечить философов качественным материалом на годы вперед.